

**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ МИФА:
ТАЙНЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ**

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблемам мифологического мышления, как свойства и функции мозга, изначально присущих человеку и играющих в его жизни важную роль, формируя поле ценностных смыслов. Цель статьи – рассмотреть наиболее спорные аспекты изучения мифологического мышления и наметить ключевые направления его исследования. Основные задачи статьи связаны с выявлением отношения науки к мифу и мифологическому мышлению, уточнением слабых мест в их понимании и определением перспектив данных исследований для формирования в рамках неклассической мифологии общей теории мифа. Актуальность темы определяется той ролью, которую миф играет в жизни современного общества в условиях глобального трансформационного кризиса при нарастающей необходимости выработать образы будущего в рамках работающего на созидание общего дела. Научная новизна заключается в разработке конкретных аспектов общей теории мифа в его максимально расширительном понимании.

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, мифотворчество, общая теория мифа, неклассическая наука, неклассический миф

**EPISTEMOLOGY OF MYTH:
THE MYSTERIES OF MYTHOLOGICAL THINKING**

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problems of mythological thinking as a property and function of the brain, originally inherent in man and playing an important role in his life, forming the field of value meanings. The aim of the article is to consider the most controversial aspects of studying mythological thinking and to outline the key directions of its research. The main objectives of the article are related to the identification of the attitude of science to myth and mythological thinking, clarification of weaknesses in their understanding and determination of the prospects of these studies for the formation of a general theory of myth within the framework of non-classical mythology. The relevance of the topic is determined by the role that myth plays in the life of modern society in the conditions of global transformation crisis with the growing need to develop images of the future within the framework of the common cause working for creation. Scientific novelty lies in the development of specific aspects of the general theory of myth in its maximally expanded understanding.

Keywords: myth, mythological thinking, myth-making, general theory of myth, non-classical science, non-classical myth

Введение (Introduction)

Одна из ключевых функций мифа заключается в том, что он удовлетворяет потребность человека в чуде, в постижении тайны, которая никогда не раскрывается

до конца, но тянет, манит, завлекает, вынуждает стремиться к ней и соотносить с ней своё бытие. Более того, по мере постижения мира, человек вынужден признать, что «таинственность мира возросла» [Найдыш 2014: 5-6], и связано это не только с тем, что в основе эпистемологии лежит принцип «чем больше узнаёшь, тем меньше знаешь», поскольку каждое новое открытие ставит ещё больше вопросов и проблем, отодвигая и расширяя границу непознанного. По мнению ряда мыслителей, на рубеже веков заметно «возросла активность мифологических пластов, глубоко заложенных в структуре нашего сознания» [Найдыш 2014: 6], на которые ранее не сильно обращали внимание, объясняя возросший интерес к мифу культурной деградацией общества. Однако по мере развития психологии восприятия, мысли и речи приходится признать, что исследование мифа и механизма мифотворчества самой логикой развития науки и общества оказалось включено в нацеленные на творческий поиск «стратегические тренды культуры» [Найдыш 2014: 5], вынуждая ставить эти проблемы по-новому, поскольку «историческая ситуация определяет, какими должны быть факты и фундаментальные принципы, а не наоборот» [Хьюбнер 1994: 162].

Особую роль в этом могут сыграть новейшие когнитивные исследования. Ведь они касаются мифа напрямую [Ильянович 2022]. Считается, что «язык, разум, сознание и порождающий их мозг – сложнейшие из известных нам систем» [Черниговская 2021: 11]. Но Э. Кассирер полагал, что миф выступает с ними на равных и раскрывается через язык и искусство [Кассирер 2017: 16], относясь к неопределённой и многозначной информации, объективация, дешифровка и упрощение которой приводит не к пониманию, а к утрате смысла. Особенно, если учесть, что нашу социокультурную жизнь определяют этнокультурные коды и архетипы [Юнг... 1998]. Архетипы определяют наше подсознательное отношение к миру и себе, воплощающееся в ценностях, мотивациях и обладающее стойкостью убеждения, хотя и не нуждаются в нём, и через отношение формируют модели поведения, которыми мы будем не просто руководствоваться, но действовать неукоснительно, независимо от своих взглядов и интересов. Древние знали об этом, воплотив своё знание в двух известных пословицах «с нами будет то, что мы есть» и «посеешь характер – пожнёшь судьбу». Исходя из этого можно сказать: хотите понять себя, свой народ, свою эпоху и происходящее в ней – изучайте мифы, которые помогут это лучше понять, т.к. именно в них архетипы и прячутся. А как работает мифологическое мышление и в чём его тайна, попробуем в данной статье разобраться.

Литературный обзор (Literature Review)

Теоретическую и методологическую основу данной работы представляют труды ведущих исследователей мифа XX века, включая П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева [Лосев 1999], Э. Кассирера, К.Г. Юнга [Юнг 1998], М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла [Кэмпбелл 2017], Р. Барта [Барт 1994], К. Леви-Строса, Г.Д. Гачева [Гачев 2003], Е.М. Мелетинского, Ю.М. Лотмана [Лотман 2004], Б.А. Успенского, Р. Мэя, А.М. Лобока, а также монографии и статьи участников ежегодной Международной конференции «Миф в истории, политике, культуре» А.М. Буровского, О.А. Габриеляна, А.А. Гагаева, А.С. Глушака, А.Г. Иванова, С.А. Маленко, Н.И. Мартишиной, В.М. Найдыша, А.Г. Некиты, М.В. Пивоева, В.М. Полосина, А.С. Тимощука, Е.Л. Яковлевой и др. [Миф в истории политике, культуре 2019, 2020, 2021, 2023], чьи идеи, наработки, гипотезы легли в основу общей теории мифа.

В вопросах рассмотрения особенностей работы мышления, языка, сознания, мозга большую помощь оказали труды в области психологии и когнитивистики П.К. Анохина, Н.П. Бехтеревой, Дж. Брунера, Л.С. Выготского, Д. Иглмена, Дж. Лакоффа

и М. Джонсона, А.Р. Лурии, Дж. Миллера, У. Найсера, В.В. Налимова, М.В. Пименовой, Б. Тверски, К. Фрита, Т.В. Черниговской и др.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Критика привычных «научных» дефиниций, где миф сводится к порочной и лживой иллюзии, привела к новой постановке проблемы мифа как объекта исследования и способа решения проблем, которая вынуждает пересмотреть «понятийные координаты» мифологии как науки в сторону углубления и расширения пространства исследования, подводя их к необходимости признания неклассической мифологии как данности и разработки общей теории мифа (ОТМ). И в первую очередь это коснулось мифологического мышления, что связано с тем, что миф глубоко антропологичен, как любое человеческое творение и «внутренне присущ обществу, культуре, человеку» [Ставицкий 2022: 56], поскольку человек мыслит мифами, а «исторические формы мифотворчества тесно связаны с закономерностями эволюции мышления» [Найдыш 2022: 15]. Сознание человека преимущественно мифологично, где миф выступает формой мышления и познания [Ильянович 2022: 90, 91]. Поэтому человек всегда пребывает внутри мифа, как миф пребывает внутри него. Однако созданный человеком миф не человекомерен, что всегда придавало ему сакральности и ощущения, общения с чем-то надчеловеческим, даже божественным. Не случайно, будучи историческим явлением и развиваясь во времени сообразно человеческим потребностям, он отрицает время через архетипические сюжеты и модели поведения, воплощая иную, в образно-символической форме реальность как необходимое человеку поле ценностных смыслов.

При этом миф многомерен и динамичен в каждой своей детали и, несмотря на некую общность, считывается каждым и воздействует индивидуально. И как законы квантового мира не приложимы к миру, привычному для нас, так мир мифа не приложим к миру науки и существует по собственным правилам, пребывая с наукой в диалектическом противодействии [Ставицкий 2022]. В значительной степени это связано с тем, что в мифе, как в человеческом языке, всё определяется контекстом неисчислимых и слабо осознаваемых, находящихся в постоянном движении размытых множеств, создаваемых человеческим разумом в соответствии с необходимостью и управляемых на уровне интуиции [Мартишина 2022; Даренский 2022]. Однако в рамках социума роль и возможности мифа переходят на новый уровень, сохраняя за ним контроль над человеческими ценностями, которые могут быть закреплены в моральных установках общества и в первую очередь в религиозной этике, которая в своё время сделала человека человеком, позволив и отчасти вынудив его подняться над животным миром, установив моральные правила для людей и объяснив их с помощью мифов.

Кстати, позволяя увидеть социальную реальность в непривычном для неё ракурсе, этология как наука о животных в их естественной среде даёт возможность понять роль религии, вводящей людей в те этические рамки, без которых человек становится хуже животного. Так, согласно идеям основателя этологии Конрада Лоренца, «У сильно вооруженных животных (лев, волк, ворон, змея) – сильная мораль. Лев ударом лапы ломает шею быку, волк клыком в доли секунды испаривает брюшину оленю, ворон ударом клюва может убить кошку или зайца, укус гадюки смертелен. Но они никогда не применяют боевые приемы против своих. Это для них табу. А у слабых зверей – слабые и запреты. И нежный голубок может заклевать соперника в стае – а потом еще и тушку его ошпишет... Человек по природе – слабо вооруженное животное, и у него нет запрета убивать себе подобных. Парадокс:

человек стал самым вооруженным на планете, хоть и остался со слабой моралью. Ее надо развивать и поддерживать. Этой задаче, в частности, служит религия» [Дольник]. И жаль, что господствующий в обществе сциентизм этот аспект религии полностью игнорирует, не предлагая ничего взамен для рассмотрения важной для человека мифологически оформленной темы экзистенции [Яковлева 2022] – внешней и внутренней, где сам человек воспринимается как микро-вселенная, где господствует данная в ощущениях, та «невыносимая лёгкость бытия», которая нас мучает, вдохновляет, завораживает и представляет мир внутри нас. «Я есть мой мир» – заявлял в своё время Л. Витгенштейн. «Если бы я не носил в себе весь мир, я был бы слепцом со здоровыми глазами», – считал И. Гете. И из этой по-разному выраженной мысли следует, что свои миры мы носим в себе. В них язык и символически оформленные образы сливаются в одно, подводя нас к проблеме максимально комплексного подхода к мифу, которая требует разработки мифологической феноменологии как синтетической научной дисциплины, позволяющей структурно оформить миф как социокультурное явление в его максимально расширенной форме, что и станет основой общей теории мифа, над которой работают исследователи XXI века, открывая и исследуя новые свойства и возможности мифа в современном обществе [Ставицкий 2012а].

Одна из сфер применения мифа связана с тем, что решение чисто научных проблем мало соприкасается с решением проблем экзистенциальных. И этот факт лишь подтверждает установленный науке самой наукой предел, как явлению локальному. Но локальность эта тоже относительна и в какой-то степени безгранична [Пенроуз 2003, 2005]. В том числе и потому, что наука постоянно питается мифами и вырабатывает их, за счёт их развиваясь и совершенствуясь. Ведь миф делает объектом познания всё то, что для человека важно и значимо. И если, в духе Л. Витгенштейна, признать, что какое бы определение явления мы бы ни дали, всегда будет иметь место его неправильное понимание, так как то, что действительно имеют авторы в виду, выразить нельзя, и не стоит пытаться [Витгенштейн 2020: 129], мы можем высказать гипотезу, что наука, несмотря на громкие заявления по поводу полного преодоления мифа в себе, в массе своей никогда за пределы мифотворчества не выходила, всегда пребывая в нём уже в силу особенностей нашего сознания, мышления и познания [Ставицкий 2012b]. И даже такие логически выверенные философские конструкции, которые в своё время разрабатывали Б. Рассел и Л. Витгенштейн, как бы ни были они рациональны, творят мифы не менее плодотворно, чем делают это в своих романах писатели-фантасты. С той лишь разницей, что их научные мифы за маской предельно выраженной рациональности почти не распознаются. Но рациональность неизбежно «взрывает» мифами любую реальность через домисливание, как только проецируется на бесконечность. Но и не проецироваться на бесконечность она не может хотя бы потенциально. В этом плане известная мысль Л. Витгенштейна о том, что наука – лишь одна из «языковых игр», вполне возможно, небесперспективна. Но что даёт она для понимания взаимосвязи мыслеобраза и языка? Может ли она зафиксировать границы выражения мыслей, как границы мира как такового? В народе считают, что «язык до Киева доведёт», но может ли он объять Вселенную, оставаясь в пределах языка? Как науке понять то, что не выразить словами, но мыслится на уровне интуиции? Может ли язык сам выйти за пределы тех образов, которые даёт нам миф? И что тогда есть язык мифа, если он не знает своих границ? Наука не даёт на эти вопросы ответов. Однако отчасти к ним может подвести имеющий место факт «сползания» в миф общества в его

представлениях о том, что есть, было и будет, особенно заметное в постсоветских странах после развала СССР.

Чем же вызвано столь быстро нарастающее «сползание» постсоветского общества в «мифологическую эпоху»? По мнению ряда исследователей, в первую очередь, это связано с развалом СССР и расцветом т.н. постмодерна, который произвел кардинальный перелом в обществе и сознании людей. В результате уровень сложности ситуации «двойного перелома» значительно превысил познавательные и адаптационные возможности индивидуума. Отсюда проистекает парадоксальная «архаизация современного общества», в котором «человек разумный» преобразуется в «человека мифологического». При этом новая архаика сопровождается процессами хаотизации, плюрализации и маргинализации сознания, а также общей деструкцией постсоветской ментальности [Загвозкина 2005].

Заметим, что в целом данная позиция не лишена оснований. Однако, не отрицая происходящих процессов в принципе, уточним, что своеобразное превращение «человека разумного» в «человека мифологического» связано не столько с архаизацией общества, которое как бы автоматически должно сопровождаться и архаизацией (а в обывательском представлении – дебилизацией) сознания или с расцветом используемых властью т.н. «имагинационных» технологий, сколько с попытками компенсировать пробелы в представлениях, связанных с тем, что в обществе произошло энтропийного, за счёт мифологии. Следовательно, подобный подход и вариант решения проблемы упрощает анализ, но полного ответа не даёт, оставляя вопрос: как, по какой причине «человек разумный» вдруг стал «человеком мифологическим», открытым. Что же в данном случае недоговаривается? Действительно ли «архаизация» общества и сознания есть результат исключительно изменившихся в худшую сторону социальных обстоятельств и потери образа будущего?

Конечно, с одной стороны на человека влияют изменившиеся за последние десятилетия социально-экономические условия, связанные с тотальной архаизацией (а точнее – с развалом) социальной сферы и экономики. С другой – информационные («имагинационные») технологии, нивелирующие личное сознание до уровня массового. И отрицать данные факторы было бы неразумным. Но при этом, следует признать, что подобная аналитика игнорирует тот факт, что человека нельзя практически незаметно для него подвести к такому внутреннему состоянию, для которого у него нет причин. «Благородный» человек не может стать «подлым», если эта подлость не была заложена в нём ранее. «Правдивый» не станет «лжецом», если не умеет лгать, как бы среда на него ни влияла. И точно также, если в человеке давно и окончательно победила рациональность, он не будет возвращаться к мифологическому сознанию. Следовательно, победа рационального над мифологическим в человеческом сознании наукой была сильно преувеличена. Значит, всё это в человеке есть, было и никуда из его сознания не уходило, но в силу определённых причин подавлялось и купировалось. Просто новые социальные условия вынудили человека более активно использовать те стороны его сознания, которые позволяют ему чувствовать в новой среде себя максимально комфортно, отбрасывая былые запреты и нормы, как устаревшие и неработающие.

Иначе говоря, человеческое сознание не только в состоянии нести в себе и «рациональное», и «мифологическое» начала, но никогда от них не отказывалось, что бы учёные об этом ни говорили, используя эти начала в той степени, в какой это необходимо для самого человека. Вот почему в современном обществе мы не найдём

людей, исключительно «разумных» или «мифологических», так как каждый человек несёт в себе и то, и другое, просто не всегда отдавая себе в этом отчёт [Выготский 2021]. Поэтому в разных ситуациях, в зависимости от личной или социальной потребности, человек будет прибегать к тем способам мышления, которые ему в данный момент лучше подходят. И делать это он будет, разумеется, подсознательно, то есть незаметно для себя. Отсюда следует вывод, что сознание людей не архаизировалось, но лишь в условиях кардинального социального перелома переключило акцент с преимущественно аналитического, рационального (т.н. «левополушарного») мышления на «мифологическое», ассоциативное, образное, синтетическое (т.н. «правополушарное»), дабы тем самым компенсировать отсутствие реального позитива позитивом «мифическим», черпая силы не в просчитанных действиях, а в более помогающих ему сейчас вере, надежде, любви.

В своё время подобные процессы в поэтической форме отразил британский поэт Т.С. Элиот:

Вечная гонка по кругу идей и новаций,
Изобретений, открытий, экспериментов
Откроет нам сущность движения, но не покоя.
О жизнь, растроченная в существовании...
О мудрость, утраченная в знании...
О знание, потерянное в информации...

И хотя мы и сейчас наблюдаем нечто похожее, есть надежда, что осознание потерь свидетельствует о других приобретениях, где можно сказать, что по отношению к отражаемому человеком миру миф осуществляет «ургическую» функцию Делания, превращая хаос в космос¹, но оставаясь непознанным хаосом для него, которым этот мир живёт. Однако насколько и в какой степени созданный наукой образ мифа соответствует действительности? Наверное, в той степени, в какой сама наука способна отражать столь сложную образно оформленную метареальность, которая, несмотря на кажущуюся простоту, порой оказывается более сложной, чем сама наука и научные знания.

Впрочем, как говорил К. Поппер, «наука погрешима, ибо дело рук человеческих». И в свете этого будет уместным вспомнить историю одного научного открытия, которое стало знаменитым не в силу своей общенаучной значимости, но по причине нетипичного поведения исследователя, отказавшегося от весьма крупного вознаграждения.

Несколько лет назад в мировых СМИ появилась информация, что знаменитый российский математик Г. Перельман доказал, что Бога нет [Лаговский]. Хотя с тех пор, как Фома Аквинат вывел пять доказательств существования Бога, мир достаточно поумнел, чтобы закрепить в общественном мнении мысль, что доказать или опровергнуть существование Господа нельзя. Но, видимо, сведения о возросшей мудрости человечества оказались снова сильно преувеличенными.

Согласно гипотезы А. Пуанкаре, ставшей после доказательства Г. Перельмана теорией, Вселенная – единственная «фигура», которую можно стянуть в точку. Но если это так, то, вполне возможно, ей подвластен и обратный процесс. Однако, если Вселенную можно «растянуть» из точки, что служит косвенным подтверждением теории Большого взрыва, то является ли это опровержением божественного происхождения Вселенной? Отдельные учёные отвечают на этот вопрос

¹ В данном случае космос понимается как порядок, противоположный хаосу, мироздание.

положительно. Хотя на каком основании атеисты и сторонники теории Большого Взрыва указывают Богу, что Он может делать, а что нет, и каким образом, если наш мир сотворён Господом, ему создавать его: с помощью Большого Взрыва или, проецируя как Голограмму [Талбот 2004], совершенно не понятно.

Кстати, в качестве альтернативы этой версии другой математик и по совместительству священник, бывший краковский архиепископ Микаэль Геллер произвёл математические расчёты, доказывающие существование Бога, за что получил престижную Темплтоновскую премию [Кузина]. Хотя в целом известно, что математика для учёного – лишь язык, инструмент для достижения необходимых результатов, которые могут меняться в зависимости от того, какие данные в расчёты заложены.

Доказав гипотезу А. Пуанкаре, выдающийся российский математик Г. Перельман решил, что научился управлять Вселенной [Перельман признался...]. И хотя, возможно, у него оснований так думать больше, чем у кого-либо на свете, в совокупности эти основания крайне преувеличены, так как человек не всегда может управлять даже самим собой. В лучшем случае он может считать, что знает несколько больше остальных, так как разобрался в ещё одной загадке природы. Но что даёт она для понимания механизма управления Вселенной в условиях развёрнутой в бесконечность множественности нелинейных динамических систем, которые не могут быть полностью охвачены ни какой-то одной формулой, ни одним законом бытия? Что может понимать человек там, где в движении пребывает бесконечность, делающая бесконечностью каждый самый малый свой фрагмент? И здесь поневоле вспоминаются знаменитые слова Сократа «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого».

Отметим, что среди семи фундаментальных математических «задач тысячелетия», заявленных частным математическим институтом Клэя (Кембридж, штат Массачусетс, США), одной из нерешённых, но крайне важных проблем математики являются т.н. уравнения Янга-Миллса, выраженные в гипотезе, согласно которой, если элементарная частица обладает массой, то существует и её нижний предел. Но, чтобы до него добраться, необходимо создать «теорию всего» – уравнения, объединяющие все силы и взаимодействия в природе. Поэтому, если спрашивать, реализация каких гипотез даёт больше оснований считать себя знающим, как устроен мир, то, по всей видимости, уравнения Янга-Миллса имеют больше шансов в этом отношении, чем решённая Г. Перельманом гипотеза А. Пуанкаре. Однако, как известно, каждый рано или поздно достигает своего уровня некомпетентности. И в этом смысле «полнота познания должна включать некоторое понимание глубины нашего неведения», – как считал Р. Милликен¹. Но является ли в данном случае должное обязательным, если человек хочет считать правильным обратное и не собирается признаваться в очевидном? Ведь чаще всего мы видим, что знаем, а знаем привычное и верим в то, что хотим, утверждая мир таким, каким его мыслим.

Согласно здравому смыслу, научное открытие уменьшает область неизвестного. Но не менее логично утверждать, что она при этом, подобно яме, ещё больше увеличивается: чем больше из неё вынимают земли, тем больше она становится, поскольку речь идёт не о чём-то локальном, а о бесконечности. Однако, независимо от того, имеем ли мы в вопросе познания дело с бесконечностью или нет,

¹ Роберт Милликен (1868-1953 гг.) – американский физик, лауреат Нобелевской премии (1923 г.).

очевидно, что область, подлежащая нашему познанию, достаточно большая, чтобы её сравнивать с бесконечностью. Но при этом бесспорно будет увеличиваться другое – область между знанием и незнанием. И оно-то и создаёт впечатление, соотносимое с эффектом ещё большего незнания, которое ощущает любой настоящий исследователь, поскольку каждый найденный им долгожданный ответ помимо собственно ответа тут же порождает ещё больше вопросов, на которые так же надо отвечать и которые ясности не добавляют, вынуждая признать, что чем больше мы узнаём, тем меньше знаем.

Отсюда следует, что степень ума и компетентности человека обратно пропорциональна его мнению о них. Так, согласно эффекту Даннинга-Крюгера (1999 г.), менее компетентные люди в целом имеют более высокое мнение о собственных способностях, чем это свойственно людям компетентным. Но эти их впечатления, по сути, обманчивы, так как являются следствием не адекватного отражения реальности, а субъективных ощущений, впечатлений, прозрений и заблуждений, которые составляют личностное знание каждого [Полани 2013]. Однако почему бы данные расчёты не применить к научному сообществу и науке как таковой? Ведь это не просто желательно, но и необходимо ради неё самой.

К сожалению, несмотря на риторику о стремлении к истине, наука не может гарантировать объективность исследования в полной мере, и вынуждена признать это. Применительно к современной мифологии данный факт приводит к тому, что предмет дисциплинарного знания становится ускользающим, что вынуждает активизировать междисциплинарную коммуникационную практику, на базе которой только и возможно изучение мифа как целого через воспроизведение былой, казалось бы, утраченной взаимозависимой общности людей, культуры и языка. «Проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления, – написал по этому поводу в одной из своих работ лауреат Нобелевской премии (1932 г.) физик В. Гейзенберг. – Подобно затупившимся инструментам, понятия нашего языка по отношению к новому ускользающему от них опыту оказываются уже не корректными» [Гейзенберг 1987: 212–213].

Впрочем, проблема переосмысления основных достижений и выводов науки касается не только мифа и мифотворчества, но и других отраслей научного знания, особенно – гуманитарных, когда «совсем незначительные поправки к теории могут потребовать радикальной перестройки понятий и представлений, лежащих в ее основе» [Фейнман 2020: 246]. Недаром, исследуя биофизические аспекты функционирования мозга, включая мысленную визуализацию и виртуальную реальность, известный британский математик и физик Р. Пенроуз, поставив проблему невычислимости в математическом мышлении, выдвинул идею спасения вычислительной модели разума через хаос и разработку эзотерической математики [Пенроуз 2003, 2005]. И уже независимо от того, прав он или нет, допуская в научный дискурс подобные гипотезы, его парадоксальный подход к, казалось бы, устоявшимся теориям и явлениям свидетельствует о том, что в науке «игра смыслов» продолжается, хотя она невозможна без мифотворчества, т.к. если наука занимается фактами, то миф – их смыслом и значением. Причём, «игра смыслов» идёт уже на том уровне, когда допущения вроде «эзотерической математики», пусть и непривычные пока, становятся возможными даже для тех, кого принято считать сторонниками самой строгой из наук. Хотя в данном случае, скорее всего, предложенной

трансформации подвергнутся и сами термины, которые будут дополнены новым смыслом. И миф в таком деле может существенно помочь. Ведь его пластичность и изначальная нацеленность на информационную цельность, его мотивационный и смыслополагающий аспекты, а также способность задавать и придавать информации новые символически означенные смыслы, делают миф крайне важным элементом научного творчества в условиях работы с непознанным, т.к. «мифологические образы и символы полны непреходящего и вечного смысла, в них заключены глубокие интуиции, утверждающие незыблемые духовные ценности, которые не стареют, остаются одинаково важными во все времена человеческой истории и не подвластны времени и пространству» [Альбедиль 2003: 325].

Заключение (Conclusions)

В свете изложенного, возможно, главная проблема социокультурного мифотворчества заключается в том, что миф является важнейшим фактором социального (культурного, национального, религиозного) самосохранения, а имеющий место кризис науки следует рассматривать как кризис роста, но его преодоление требует от науки существенных изменений. А пока, хотя современная научная картина мира довольно правдоподобна, ответов на глобальные вызовы современности наука в её нынешнем виде дать не может уже потому, что она оказалась не в состоянии придать человеческому мировоззрению те высокие созидательные смыслы, без которых человечество не только развиваться дальше не в состоянии, но и, возможно, не сможет выжить. И вот здесь помощь мифа, помощь религии, помощь духовного и одновременно интуитивного начала может оказаться для науки и человечества очень кстати. Осталось дело за малым – принять миф таким, как он есть. Но готова ли наука к подобному? В рамках мифологии как науки предпосылки для этого имеются и их можно разделить на исторические, теоретические и организационные, где первые связаны с потребностью в целостном знании и новыми возможностями современной неклассической науки, вторые – строятся на подходах, идеях и разработках ведущих исследователей мифа XX века (А.Ф. Лосев, Э. Кассирер, К.Г. Юнг, К. Леви-Строс, Р. Барт, К. Хьюбнер, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев и др.), позволивших открыть миф заново, а третьи – обеспечиваются совместной и скоординированной работой современных исследователей мифа в рамках семинаров, конференций, круглых столов, изданий коллективных трудов, что позволяет определить общие позиции и сформировать научную мифологическую парадигму. И здесь главное – понять миф в его расширительном понимании и его роль в обществе, поставив под сомнение и преодолев мешающее идти дальше привычное, общепринятое.

«Одно из неприятных свойств нашего времени состоит в том, что те, кто испытывает уверенность, глупы, а те, кто обладает хоть каким-то воображением и пониманием, исполнены сомнений и нерешительности», – не без сарказма утверждал Б. Рассел¹, невольно своей уверенностью рассуждений подставляя самого себя. Только разве это свойство «нашего времени»? Во все времена думающий человек сталкивался с парадоксом, согласно которого, чем больше узнаешь, тем меньше знаешь, т. к. любая новая информация или решённая проблема тут же порождает новые вопросы и создаёт проблемы, которые снова надо решать. Причём этих

¹ На англ.: «One of the painful things about our time is that those who feel certainty are stupid, and those with any imagination and understanding are filled with doubt and indecision Why the unskilled are unaware: Further explorations of (absent) self-insight among the incompetent» [Электронный ресурс] URL: http://www.psy.fsu.edu/~ehrlinger/Self_&_Social_Judgment/Ehrlinger_et_al2008.pdf

вопросов и проблем оказывается значительно больше, чем было ранее. Понятно, что так происходит потому, что по мере расширения сферы знания, расширяется и граница его с незнанием, которая данные вопросы ставит. И если человек это видит, он будет испытывать те чувства, которые возникают у человека, когда он приходит к пониманию того, как мало знает по сравнению с тем, что должен знать. Но как показывает человеческий опыт, такие чувства для людей являются нормальными, в том смысле, что с ними можно и нужно жить. Хотя на миф в целом подобные замечания не распространяются, пока именно его обвиняют в заблуждениях человечества, снимая ответственность с себя. Впрочем, есть надежда, что если не в обществе, то хотя бы в науке наступит такой момент, когда о мифе будет стыдно рассуждать, если не изучал его и не понимаешь, как целостность, руководствуясь упрощёнными и уничижительными представлениями о нём. Ведь, по мнению М.Ф. Альбедиль, мифология обеспечивает «встречу в человеке сознательного с бессознательным» [Альбедиль 2003: 325]. И если в данном случае не останавливаться на красивой метафоре, то получается, что миф является способом активизации тех бессознательных интуиций, без которых не бывает ни творческих порывов, ни великих открытий, ни полноценного духовного бытия. Иными словами, в данном случае миф выступает эффективным инструментом мотивации бессознательного и подключения его потенциала для максимально возможной творческой мобилизации. А сейчас миру, науке, России, человечеству, как никогда нужна мобилизация духовных и творческих сил для решения тех глобальных проблем, которые поставили под угрозу исчезновения существование человека как вида. И без помощи мифа в его современном понимании эту проблему не удастся ни грамотно поставить, ни правильно решить.

Получается, мир прекрасен не потому, что прост, как писал известный физик Р. Фейнман¹ [Фейнман 2020: 254]. В сложности тоже есть своя красота... и тайна, которая завораживает не меньше, чем уже нам известное. И хотя Ф. Ницше призывал не всматриваться в бездну, чтобы она не начала всматриваться в нас, истинным учёным нравится испытывать восторг перед непознанной бездной, чтобы, если не понимать, то принимать её, учиться у неё, чтобы бездной становиться самим. Именно такое ощущение передают нам И. Кант с его звёздным небом над головой² и М.В. Ломоносов своими строками «Открылась бездна звезд полна. Звездам числа нет, бездне дна», в котором проявляет экзистенциально очерченное мифологическое чувство встречи с неведомым, напоминающее, что мир есть чудо и миф помогает не только встретиться, но и жить с ним, становясь чудом сам.

Литература

Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003. 288 с. («Мир Востока»).

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Изд. группа Прогресс, Универс, 1994. 616 с.

¹ «природа проста, а потому прекрасна».

² Имеется в виду высказывание: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (И. Кант Критика практического разума).

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. с нем. Л. Добросельского. Москва: Издательство АСТ, 2020. 160 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. Москва: Национальное образование. 2021. 368 с.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва: Эксмо, 2003. 544 с.

Гейзенберг В. Шаги за горизонт: Пер. с нем. / Сост. А.В. Ахутин; Общ. ред. и вступ. ст. Н.Ф. Овчинникова. Москва: Прогресс, 1987. 368 с

Даренский В.Ю. Миф как холотропное мышление // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 43–55.

Дольник В.Р. Убегая от обезьяны [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (дата обращения: 09.05.2023).

Загвозкина Ю.М. Политический миф как проблема социальной философии: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2005. 209 с.

Ильянович Е.Б. Миф и наука как когнитивные системы: современные отношения // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 89–100.

Кассирер Э. Философия символических форм Т. 2. Мифологическое мышление. 2-е изд. Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 288 с.

Кэмбелл Дж. Сила мифа. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.

Кузина С. За 820 000 евро священник доказал существование Бога [Электронный ресурс]. URL: <http://kp.ru/daily/24440/607040/> (дата обращения: 09.05.2023).

Лаговский В. Григорий Перельман доказал, что Бога нет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24466.4/626061/> (дата обращения: 09.05.2023).

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2020, 430 с.

Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 4. Человек голый. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2007. 784 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.

Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

Мартишина Н.И. Логика мифологического мышления в познании // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 33–42.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 658 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года,

г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. 574 с.

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 13–31.

Найдыш В.М. Власть тайны. Очерки по философии мифологии. Москва: Альфа-М, 2014. 288 с.

Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Часть 1: Понимание разума и новая физика. Ч. 1. Москва: Либроком, 2003. 368 с.;

Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Часть 2: Новая физика, необходимая для понимания разума. Ч. 2. Москва: Либроком, 2005. 352 с.

Перельман признался, что умеет управлять Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Москва, 1985. 344 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.

Рассел Б. Искусство мыслить. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с. 2-е изд., испр.

Ставицкий А.В. Методологические аспекты понимания общей теории мифа в контексте неклассической мифологии // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 114–126.

Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012а. 543 с.

Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012б. 240 с.

Талбот М. Голографическая Вселенная / Пер. с англ. Москва: София, 2004. 368 с.

Фейнман Р. Характер физических законов. Москва: Издательство АСТ, 2020. 256 с.

Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. Москва, 1994. 326 с.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. Москва: Издательство АСТ, 2021. 496 с.

Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. Москва: Серебряные нити, 1998. 368 с.

Яковлева Е.Л. Миф как экзистенциал человеческого бытия // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 32–39.

References

Albedil M.F. Mirror of Traditions: Man in the Spiritual Traditions of the East. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2003. 288 p. ("The World of the East"). (In Russian).

Barth R. Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow: Izd. group Progress, Univers Publ., 1994. 616 p. (In Russian).

Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Per. with German. L. Dobroselsky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 160 p. (In Russian).

Vygotsky L.S. Thinking and Speech: Psychological Research. Moscow: National Education Publ. 2021. 368 p. (In Russian).

Gachev G.D. Mentality of the Peoples of the World. Moscow: Eksmo, 2003. 544 c.

Heisenberg W. Steps Beyond the Horizon: Per. with German. / Sost. A.V. Akhutin; ed. and intro. by N.F. Ovchinnin. N.F. Ovchinnikov. Moscow: Progress Publ., 1987. 368 c

Darensky V.Yu. Myth as Holotropic Thinking // *Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series*, no. 2, 2022. C. 43–55. (In Russian).

Dolnik V.R. Running away from the Monkey [Electronic resource]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Zagvozkina Y.M. Political Myth as a Problem of Social Philosophy: Cand. of philos. sciences. Ivanovo, 2005. 209 p. (In Russian).

Ilyanovich E.B. Myth and Science as cognitive systems: modern relations // *Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology*. no 1. 2022. pp. 89 – 100. (In Russian).

Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms Vol. 2. Mythological Thinking. 2nd ed. Moscow - St. Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives, 2017. 288 p. (In Russian).

Kuzina S. For 820 000 Euros the Priest Proved the Existence of God [Electronic resource]. URL: <http://kp.ru/daily/24440/607040/> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Lagovsky V. Grigory Perelman Proved that There is no God [Electronic resource]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24466.4/626061/> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Levy-Bruhl L. Primal Thinking / Per. from Fr. B.I. Sharevskaya. 2nd ed. Moscow: Academic Project Publ., 2020, 430 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Mythologie. In 4 t. Vol. 4: The Naked Man. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2007. 784 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Structural Anthropology / Per. from Fr. Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EXMO-press Publ., 2001. 512 p. (In Russian).

Losev A.F. The Self: Essays. Moscow: EXMO-Press Publ., 1999. 1024 p. (In Russian).

Lotman Y.M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPB Publ., 2004. 704 p. (In Russian).

Martishina N.I. The Logic of Mythological Thinking in Knowledge // *Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series*, no. 2, 2022. C. 33–42. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2020. 658 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference. V International scientific interdisciplinary conference (June 2021, r. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. 576 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, r. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2023. 574 p. (In Russian).

Naidysh V.M. The Archaeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // *Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology.* no 1. 2022. Pp. 13–31. (In Russian).

Naidysh V.M. The Power of Mystery. Essays on the philosophy of mythology. Moscow: Alfa-M, 2014. 288 p. (In Russian).

Penrose R. Shadows of the Mind. In Search of the Science of Consciousness. Part 1: Understanding the Mind and new Physics. Ч. 1. Moscow: Librocom Publ., 2003. 368 p. (In Russian).

Penrose R. Shadows of the Mind. In Search of the Science of Consciousness. Part 2: New Physics Necessary for Understanding the Mind. Ch. 2. Moscow: Librocom Publ., 2005. 352 p. (In Russian).

Perelman admitted that he Knows How to Manage the Universe [Electronic resource]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Polanyi M. Personal Knowledge. On the Way to Postcritical Philosophy. Moscow, 1985. 344 p. (In Russian).

Potebnya A.A. Theoretical Poetics. Composition, Introduction, Commentary / A.B. Muratov. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 1990. 344 p.

Russell B. The Art of Thinking. Moscow: Idea-Press Publ., House of Intellectual Book Publ., 1999. 240 p. 2nd ed., revised. (In Russian).

Stavitsky A.V. Methodological Aspects of Understanding the General Theory of Myth in the Context of Non-classical Mythology // *Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology.* no 1. 2022. Pp. 114–126. (In Russian).

Stavitsky A.V. Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ., 2012. 543 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Modern Myth and its Main Functions. Sevastopol: Ribest Publ., 2012. 240 p. (In Russian).

Talbot M. Holographic Universe / Per. s Engl. Moscow: Sofia Publ., 2004. 368 p. (In Russian).

Feynman R. The Nature of Physical Laws. Moscow: AST Publishing House, 2020. 256 p. (In Russian).

Hübner K. Critique of Scientific Reason / Per. from German. Moscow, 1994. 326 c. (In Russian).

Chernigovskaya T.V. Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Brain, Language and Consciousness. Moscow: AST Publishing House, 2021. 496 p. (In Russian).

Jung K.G., von Franz M.-L., Henderson J.L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Moscow: Silver Threads Publ., 1998. 368 p. (In Russian).

Iakovleva E.L. Myth as the Existential of Human Existence // *Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology.* no 1. 2022. Pp. 32–39. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and International Relations, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Эпистемология мифа: тайны мифологического мышления // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2 (6), 2023. С. 67–81.

For citation:

Stavitsky A.V. Epistemology of Myth: Secrets of Mythological Thinking // MYPHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 67–81.